

РГБ ОЛ

УДК 81.2.01

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Бурятский институт общественных наук
Диссертационный совет
Д 003.26.01 по филологическим наукам

На правах рукописи

ДАМБУЕВА Полина Петровна

СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
МОДАЛЬНОСТИ В БУРЯТСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Ю.02.16 - монгольские языки

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание учёной
степени кандидата филологических наук

Улан-Удэ 1994.

Диссертация выполнена в отделе языкознания Бурятского института общественных наук Сибирского отделения Российской академии наук.

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН Рассадин В.И.

Официальные оппоненты:
доктор филологических наук Ш. – Н.Р.Цыденжапов
кандидат филологических наук Л.В.Шулунова

Ведущая организация: Иркутский государственный университет

Защита состоится "21" декабря 1994 г.

на заседании диссертационного совета Д 003.26.01 по присуждению учёной степени доктора наук в Институте общественных наук Сибирского отделения РАН (670042, Республика Бурятия, г.Улан-Удэ, ул.М.Сахьяновой, 6).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Бурятского научного центра (г.Улан-Удэ, ул.М.Сахьяновой, 6).

Автореферат разослан "18" ноября 1994 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Дыкеева Г.А.

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. В бурятском языке категория модальности не была предметом специального монографического исследования. Вместе с тем огромная роль данной категории представляется неоспоримой: модальность, по выражению Ш.Балли, — "душа предложения" (см.: Балли, 1955, с.44). Модальность присутствует в семантике отдельных слов и словосочетаний; модальный план неотделим от любого предложения; определяя характер текста, модальность лежит в основе стилистики.

В современных условиях, условиях возрождения бурятского языка, очень необходимы теоретические изыскания в области сопоставительной грамматики бурятского и русского языков, отсутствие которой создают известные трудности при изучении русского языка в бурятоязычной аудитории. Поэтому актуальность темы диссертации обусловлена как научной необходимостью восполнить пробел в бурятском языкознании, так и практическими нуждами.

Цель и задачи исследования. Целью настоящей работы является выявление типологических различий наряду с универсальными явлениями в плане содержания и в плане выражения категории модальности в бурятском и русском языках на основе отдельных положений, выработанных в общем языкознании.

Для достижения поставленной цели нужно было решить следующие задачи: определить круг значений, которые квалифицируются как модальные; рассмотреть морфологические средства выражения модальности в бурятском и русском языках; фонетические средства; лексические средства, определить статус модальных слов в частеречном делении, критерии их разграничения от модальных частиц; синтаксические средства; комбинированные средства выражения модальности в пределах предложения; выявить общее и различное в соотношении морфологических, лексических, лексико-синтаксических, фонетических и других средств выражения в бурятском и русском языках.

Материалом исследования послужили литературный и разговорный бурятский и русский языки, художественные произведения бурятских и русских писателей, поэтов, газеты "Бурят унэн", "Усть-Ордын унэн".

Методологические основы и методы исследования. Методологической основой для решения поставленных задач явились теоретические положения, изложенные в работе В.В.Виноградова "О категории модальности и модальных словах в русском языке", а также в "Общей лингвистике" Чарльз Балли. Общей методологической основой настоящего исследования являются законы диалектической логики. В последнее время философия, логика, языковеды особо подчёркивают необходимость применения положений диалектической логики при изучении языковой системы и её развития (см., например, Целищев, Карпович, Поляков, 1982). В ряде случаев исследовательская практика уже показала успешность применения законов диалектической логики в языковедении: определение грамматических категорий М.А.Шелякиным (см.: Шелякин, 1977, с.3-23; 1985, с.37-49), изучение категорий субъективного и объективного в языке Г.В.Колшанским (см.: Колшанский, 1975). С учётом отдельных положений диалектической логики (взаимосключаемость и взаимообусловленность противоположностей, объективная необходимость связей между противоположностями, опосредованность противоположностей промежуточными звеньями и т.д.) в настоящей работе определяются понятия но-языковые основы и смысловые доминанты категории модальности, её инварианты и частные значения.

Основным методом исследования в диссертации является сопоставительный метод. При описании и разграничении модальных значений нами используются положения развиваемого в языковедении варианта теории общих и частных значений (см.: Бондарко, 1971; Маслов, 1959). Использована также методика компонентного анализа — раскрытия наиболее общих модальных значений через выделение дифференцированных семантических признаков. Общее значение форм проявляется в частных. В ходе работы применялись следующие приёмы: наблюдение языкового материала и описание языковых фактов, элементы трансформационного анализа.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в бурятоведении впервые предпринята попытка сопоставить бурятский и русский языки с точки зрения функционирования, типологии категории модальности, что представляет интерес для определения как общих языковых закономерностей, так и специфики каждой из сопоставляемых языковых систем.

Практическая значимость работы. Теоретические работы по сравнительной типологии имеют большой практический смысл и могут послужить как для дальнейших научных исследований, так и для учебных и методических нужд. В условиях двуязычия школьная и вузовская практика стремится к взаимосвязанному обучению языкам, а от преподавателя-лингвиста требуется высокая филологическая подготовка прежде всего в плане сравнительной типологии языков – бурятского и русского. Выводы проведённого исследования могут быть использованы при чтении лекций по теоретической грамматике бурятского и русского языков, в практике преподавания русского языка в бурятской аудитории. Результаты исследования могут быть использованы при дальнейшей разработке проблем функционального и конструктивного синтаксиса.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на заседании отдела языковедения Бурятского института общественных наук СО РАН, её основные положения докладывались на научной конференции ЕНЦ, посвящённой дню науки (апрель 1992); на конференции, посвящённой памяти Ф.Барадыяна (июль 1993); на научно-практической конференции в ЕПИ им.Д.Банзагова (январь 1994). По теме диссертации имеется две публикации, третья находится в производстве.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав и заключения, списка использованной литературы.

Содержание работы

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы, формулируются цель и задачи исследования, характеризуется материал, определяются методы и методология исследования, определяется его научная новизна и практическая значимость.

В главе I – "История изучения модальности в русистике и монголоведении" – прослеживается эволюция взглядов на категорию модальности в русистике и монголоведении, история развития понимания у исследователей сущности категории модальности в обоих языках. Поскольку категория модальности достаточно крупная и важная языковая категория и её изучение в сопоставительно-типологическом аспекте представляет немалый научный и практический интерес для бурятского языковедения, где эта проблема слабо разработана, необходимо было в самостоятельной главе гораздо подробнее и глубже, чем это делается во введении, рассмотреть

реть вопрос об истории изучения модальности как языковой категории и в русистике, и в монголоведении, составной частью которого, как это общеизвестно, является бурятоведение.

При рассмотрении глагольного наклонения как основного выразителя модальности делается вывод о том, что модальность развивалась по мере развития "глагольности" в предложении, по мере того, как человеческое сознание училось мысленно расчленять предмет, его признак и действие, а предложение развивалось от атрибутивности к предикативности. Предполагается, что императив "старше" других наклонений: он зародился из звательных, побудительных, отрицательных, запретительных интонаций, из действительских "частей" речи.

По мере осознания объективности окружающего мира, существующего "в себе", безотносительно к воспринимающему субъекту, человек научился констатировать предметы и факты бытия. Появление высказываний о "когнитивном состоянии" собеседников, сопровождавшееся интонацией экзистенциальности, означало появление индикатива. Стрыв мышления от наличной речевой ситуации привёл к образованию сослагательного наклонения как следствия уникальной способности человека к мыслительству, конструированию новых идей, понятий, гипотез. Данная последовательность подтверждается тем, что конъюнктив является определённым преобразованием индикатива и возможен лишь на базе последнего: ходил - ходил бы, принёс - принёс бы.

В главе прослеживается борьба взглядов вокруг количества наклонений, критериев их выделения вплоть до того, что наличие наклонений порой отрицалось вообще (см.: Шахатов, 1941; Виноградов, 1947, 1958; Ульянов, 1995; Свесьнико-Куликовский, 1912; Потебня, 1922; Накрасов, 1865).

Как очень знаменательный и важный отмечается поворот в 50-е годы к новому пониманию модальности не как морфологической категории, связанной с наклонением глагола, а как категории предложения, пронизывающей, по выражению Э.В. Виноградова, "вся ткань речи": "Глагольный тип предложения не только ставился в центре русского синтаксиса, но и подавлял все другие типы и виды предложений. Вообще "морфологизм" в чистом виде как принцип построения теории предложения не может привести к пониманию всего разнообразия структурных типов предложения. Дело в том, что со структурой предложения свя-

зани особое синтаксические категории, базировавшиеся на морфологических категориях, но далеко выходящие за их пределы" (см.: Грамматика русского языка, 1960, с.78).

В этом же параграфе поднимается история исследования модальных слов, начиная с дореволюционных исследований (Ломоносов М.В., Востоков А.Х., Греч Н.И., Лажатов А.А., Буслаев Ф.И., П.Перевисский) до наших дней (А.Н.Гвоздев, Е.М. Галкина-Федорук, К.В.Горшкова, Н.М.Манский).

На сегодня разногласия вокруг модальности заключаются в основном в разных точках зрения на объём категории модальности, то есть они происходят вокруг включения- невключения тех или иных значений в круг модальности. Мы придерживаемся "широкого" понимания модальности.

В диссертации в объём модальности включается эмоционально-экспрессивная сфера, поскольку отрыв эмоционально-оценочного момента от интеллектуально-рассудочного представляется искусственным. Например, в предложении "Он не пришёл"... "бесстрастная" констатация факта не состоялась: в предложении есть недосказанность, что отразилось в интонационной, а также в знаковой системе в виде многоточия. Непропозициональная информация может содержаться в паузах, логическом ударении, инверсиях, в интонационных контурах, что на письме может быть выражено двоеточием, тире, запятыми. Модальность склонна к имплицитным проявлениям, это очень "деликатная" категория, присутствующая в каждом предложении, но делающая это незаметно и неназойливо, и поэтому в языке очень много предложений, по поводу которых можно задать sacramентальный вопрос: Говорящий сказал то-то и то-то. - А что хотел сказать? Осуществляя коммуникативное намерение, говорящий перерабатывает объективно существующую экстралингвистическую ситуацию и передаёт собеседнику свою интерпретацию этой ситуации: будучи объективной по природе, информация может храниться и передаваться только в субъективной форме. В понятие "содержание высказывания" включаются многообразные и многоплановые коннотативные, контекстные, "затекстные" смыслы и оттенки - по существу это те структуры, которыми оперирует формальная логика при объяснении возможной второй (минимой) реальности, связанной со сферой подсознания.

Многие исследователи исключают из сферы модальности коммуникативную установку, утверждая, что она функционирует

в пределах своей категории - целеустановки. Соглашаясь, что эта категория не входит в доминирующие структуры модального поля, мы включаем её в парадигму модальности. Конечно, можно согласиться, что вопрос "Как пройти к парку"? модально нейтрален, но существует масса вопросительных предложений, в которых модальность неотделима. Например: Разве он уже уехал? Ты можешь не повторять одно и то же? Ср.: Сколько раз можно делать ставки? - запрос об информации. Кроме того, очень употребительны предложения, вопросительные по структуре и по интонации, но утверждающие или отрицающие по содержанию: Господи, ну что он может теперь сделать? = (Не может ничего сделать).

В сферу модальности включается и отрицание, так как оно рассматривается не как наличие отрицательных предметов и явлений, отрицательного положения вещей (которых нет в природе), а как отношение говорящего к этим предметам и явлениям, к определённому положению дел. Отрицание - опять же результат деления мира человеком на "я" и "не-я", а природа модальности скрыта именно в этом делении.

В § 2 - "История изучения модальности в монголоведении" - констатируется, что модальность в монголоведении в настоящий момент всё ещё остаётся наименее исследованной категорией как в плане содержания, так и в плане средств выражения. Эта категория изучалась в разделе "Синтаксис" в связи с категорией предикативности (см.: Бертатаев, Цыдендамбаев, 1982, с.7-9; 32-61. Амоголов, 1958, с.199-205). Отдельные работы выделяют некоторые модальные частицы (Дугармазон, 1964, с. 322-323). Не разработана классификация значений, выраженных модальными словами и словосочетаниями. На стадии выявления состав модальных частиц, которых в бурятском языке очень много. Предстоит описать значения и употребление каждой частицы. В этом плане опубликована только статья Г.Д.Булаевой "Частицы бурятского языка как лексическое средство выражения модальности" (1989).

В работах по бурятскому языку до последнего времени на модальности не уделялось должного внимания, зачастую эта категория упоминалась попутно, как факультативный признак, особенно при определении общей характеристики предложения, при описании составного сказуемого. В настоящее время тенденции

восполнить этот пробел. Вслед за статьёй К.М.Черемшова (1969) появились работы Г.Ц.Лурбеева (1961), С.С.Балагуновой (1967), Э.С.Павловой (1967, 1969), А.С.Даргалова (1967, 1969, 1990), Э.П.Израевой (1969, 1991). Статьи посвящены выявлению специфики некоторых способов выражения модальности в бурятском языке. Предметом дискуссий в бурятском языке является количество наклонений. В исследованиях по бурятскому языку выделяется разное их количество. Так, Дугаржабон выделяет в своих учебниках по бурятскому языку три наклонения: временное, обращения, желания-предостережения. Амголонов А.А. различает два наклонения: изъявительное и повелительно-желательное, то есть изъявительная форма и форма обращения.

Хотя большинство исследователей монгольских языков придерживается сходного понимания категории наклонения (см.: Санжеев, 1956, с.17; Толаева, 1951, с.97) всё же общая картина наклонений достаточно пёстрая: Г.И.Рамстедт выделил девять наклонений (Рамстедт, 1906); Г.Д.Санжеев - два (Санжеев, 1963); И.Поппе - пять (Поппе, 1955); Ш.Лувсанвандан - три (Лувсанвандан, 1956). Причины таких разногласий объясняются разными принципами выделения наклонений. Трудно назвать какую-либо наиболее распространённую, тем более общеприятую в монголистике точку зрения на количество наклонений и их значения. Разнообразие вариантов объясняется не только разными теоретическими подходами авторов, но и неоднозначностью многих конечных глагольных форм, объективной трудностью разграничения их модальных оттенков и, следовательно, трудностью определения общего значения формы.

Знакомство с исследованиями категории модальности в бурятском языке покажет, что они при выявлении модальных значений опираются в основном на те модальные значения, которые выражаются конечными агглютинативными формами глагола. Именно эти формы лежат в основе рубрикации наклонений. Это значит, что распределение глагольных форм по наклонениям, морфологический состав каждого наклонения, да и само количество наклонений зависят от того, какое значение, какое семантическое содержание исследователь вкладывает в изучаемые глагольные формы.

Вторая глава диссертации посвящена типологии видов модальности в бурятском и русском языках. Исследователи

делят её на объективную и субъективную. Поскольку деление модальности на объективную и субъективную прямо в лингвистику опять-таки из логики, в работе необходимо было определить понятия "логическая модальность", "лингвистическая модальность", а также их соотношения. Между категорией модальности в логике и категорией модальности в лингвистике много общего. Например, включение одноимённых, даже близких понятий "вероятность", "возможность", "необходимость". Из логики заимствован терминологический аппарат. Становится же лингвистической модальности от логической видится в том, что в лингвистике рассматриваются не свойства выражаемых в предложении мыслей, а свойства языковых единиц - предложений. Логика рассматривает модальность прежде всего в связи с решением вопроса об истинности и ложности суждения. Лингвистическая же модальность не связана с фактическим соответствием сообщаемого ситуации, поэтому целый ряд лингвистических понятий является irrelevantным для логики. Говорящий может сообщать о явлении, реально не существующем, даже невероятном, но оформить его как сообщение о реальном. Например: Ехала деревня мимо мужика. Вдруг из-под собаки лает ворота (Набылица).

Здесь же обосновывается отличие объективной модальности от субъективной, дается определение обеих модальностей. Если объективная модальность в лингвистике выражает отнесенность высказывания в план реальности-дереальности с точки зрения говорящего, то смысловую основу субъективной модальности составляет понятие оценки в широком смысле слова, включая не только логическую квалификацию сообщаемого, но и разные виды эмоциональной реакции.

В диссертации принято деление субъективной модальности на оценочно-характеризующие и собственно оценочные, предложенное в грамматике - 80, так как представляется, что это вносит упорядоченность в данный перечень субъективно-модальных значений.

В § 3 - "Типологии содержания модальности в бурятском и русском языках" - сделана попытка дать свою классификацию модальных значений, объединённых общей "платформой" - "точкой зрения говорящего". В число модальных нами включаются следующие типы:

1. Оценка говорящим содержания высказывания с точки зрения реальности-нереальности. Сюда относятся значения существующих в разных языках наклонений глагола, которые могут коррелироваться разнообразной модальной семантикой модальных слов, функционально-модальных слов, частей и словосочетаний.

2. Выражаемая модальными глаголами и модальными словами оценка обозначаемой в высказывании ситуации с точки зрения её возможности, необходимости или желательности.

3. Квалификация содержания высказывания с точки зрения его достоверности-надостоверности. Сюда относятся разнице оттенка характеристики достоверности сообщения, например, утверждение с усилением, подчёркиванием, выделением, ссылка на источник, различные степени вероятности, сомнения, неуверенности и т.д.

4. Отношение говорящего к целевой направленности речевого общения. По этому признаку все предложения подразделяются на повествовательные (выражающие сообщение), побудительные (выражающие побуждение), вопросительные (выражающие вопрос), оптативные (выражающие желание).

5. Значения утверждения и отрицания, отражающие наличие-отсутствие объективных связей между предметами, признаками, фактами, о которых сообщается в высказывании.

6. Эмоциональная, морально-этическая, эмоционально-волевая квалификация сообщаемого.

В параграфе также обращается особое внимание на явления синкретизма в ряду модальных значений, когда бывает трудно однозначно определить то или иное модальное значение. В отдельных случаях в диссертации рекомендуется обращаться к теории формального вывода, к тем техническим приёмам, которые предлагает логика для разграничения модальных значений (см.: Арутюнова, 1976; Касевич, Храковский, 1983, 1985; Бочаров, 1978). В частности, рассматриваются случаи разложения связанного предложения на модальный и пропозициональный элементы и вынесение модального компонента за рамки пропозиции, что позволяет дифференцировать объективную и субъективную модальность в содержании высказывания.

Глава 3 полностью посвящена плану выражения категории модальности. В §1 рассматривается морфологический уровень выражения.

Основным морфологическим средством выражения модальности

как в бурятском, так и в русском языке является наклонение глгола. В силу разносистемности этих языков каждый язык справляется с этой задачей по-своему. Если говорить об общих моментах, то выявлено следующее:

1. В обоих языках изъявительное наклонение выражает модальное значение действительности, достоверности сообщаемого. Не более ярко передаётся это значение настоящим временем изъявительного наклонения: в этом случае отражается действительность переживаемая, наблюдаемая, конкретная и очевидная.

2. Сослагательное и повелительное наклонения в названных языках выражают модальность ирреальности. Формами опатива и императива передаются побуждение (приказ, просьба, совет, убеждение, мольба), предположение, возможность, должностное. Сослагательное наклонение подчеркнуто конституирует категорию ирреальности, потенциальности действия, а значит, оно полностью подчинено передаче модальных значений. Повелительное наклонение в обоих языках выражает стремление говорящего координировать поведение собеседника в соответствии со своими представлениями о необходимом и должном и потому, в отличие от сослагательного наклонения с его абстракциями, характеризуется дейктической привязанностью к наличной речевой ситуации, при которой и в силу которой рождается высказывание.

Вместе с тем следует подчеркнуть специфику каждого языка в передаче модальности через категорию наклонений:

1. В русском языке в результате развития разговорного языка, привлечения его элементов в язык литературный получила очень большое развитие транспозиция наклонений, особенно — повелительного наклонения. Например: Горю оно всё синим пламенем. Вы каму заварили, а я за вас отвечаю. Как всё необычно, не укладываешься в "прокрустово ложе" правил, транспозиция наклонений неизбежно выражает те или иные модальные значения. В данном случае в первом предложении выражено эмоциональное состояние говорящего: чувство безразличия, усталости; во втором — протест, несогласие с положением дела.

Бурятскому языку не свойственно отрывать качество, действия от их носителя — того или иного предмета. Поэтому случаи переносного употребления редки. Ср.: Ябахая боли — хун болохоб? — "А ходить не сможешь — что будет?"

2. В бурятском языке в силу его агглютинативного строя

наблюдается участие большого количества аффиксов в формировании наклонений. Вследствие своего словообразовательного статуса они не только формируют наклонения, но и варьируют лексические значения слова, придавая им самые различные модальные значения и оттенки. Например: Бодог - "пусть встанет", Бодохойн - "смотри не вставай", Бодоглоб - "как бы не встал", Бодохой - "хоть бы встал" и т.д. Именно в этой особенности бурятского языка кроется, вероятно, одна из глубинных причин того, что в выделении наклонений, определении их количества всё ещё нет единства.

В этом же разделе рассматривается выражение модальности через модально-аспектуальные связи. В языковедении известны случаи, в которых отмечаются модальные функции видовых форм. В частности, существует мнение, что видовые формы в ряде случаев служат для передачи лишь модальных значений (см.: Бойко, 1963; Рассудова, 1962). В самом деле, есть случаи, когда вид является единственным средством разграничения модальных оттенков. Например, в таких предложениях, как: Хубуумни унтажа байна. - "Мой сын спит". Хубуумни унташоо. - "Мой сын уснул". Вам не славать экзамена - Вам не слать экзамена.

Инфинитив совершенного вида в русском языке и причастно-будущего времени в бурятском, походя на друг на друга по своей "застывшей" форме и синтаксической функции, вносят в предложение модальное значение категоричности утверждения, предопределённости, предугаданности. Не случайно эти формы часто используются в пословицах и поговорках как выражения общечеловеческого опыта: Нехээ дэгэл одлохо, нэгэннээ гараан одлохогүй. - "Лубу купи в магазине, а састру я брата проси у бога". Кто долго спит - тому денег не скопить.

Аспектуальность мы не относим к модальной категории: безусловно, это явление другого порядка. Но наблюдения за языковым материалом показывают, что способность категории вида конкретизировать, уточнить понятие времени связана нередко с конкретизацией модальных значений. Связь аспектуальности и модальности кроется, видимо, в одной их природе: "Главнейшими свойствами вида является то, что он относится не только к ситуации как таковой, но и к некоторой точке зрения на временной оси, с которой ситуация и оценивается в отношении вида" (см.: Тимберлейк, 1985, с. 267).

§ 2 третьей главы посвящён лексическим средствам передачи модальности. Здесь даётся характеристика модальных слов типа илангая (выражает модальное значение подчёркивая, выделены наиболее важного момента высказывания), нээрээ, унэхөөрөө, дагдтай (уверенности), магад, магадгүй (неуверенность), также однотипных модальных слов хэрэгтэй, зэргэтэй, аргатай, ханаатай, таамтай, хөбөртэй, явзатай, ёhotoй, гээшэлтэй, умартай, хэлтэй и др. (возможность, необходимость, долженствование).

Особое внимание уделено глаголам, которые не перешли в модальные слова, но часто употребляются в их функции благодаря тому, что в их лексическом значении заложена модальность, и поэтому они названы модальными глаголами. Это глаголы типа шадаха - "уметь", ядаха - "затрудняться, не уметь", туршаха - "пробовать" и др. К ним примыкают функционально-модальные слова, которые лишь иногда выступают в несвойственном им - модальном - значении: Гуйжэ хөбтөг. - "Пускай себе бегаёт". Брэхээ алдши! - "Чёрта с два придёшь"!

Примеры из русского языка, в котором функционально-модальных слов больше и картина их грамматикализации более наглядна, показывают, что в разряд функционально-модальных слов попадают слова с образным, экспрессивным зарядом: У Смея в саду птицы сидят. Страсть огромная. Перебил Смей людей - укус (Верхотенские сказки, 1938, с.49). Хорошо я рядом оказался, а если бы нет.

В параграфе ставится вопрос о критериях разграничения модальных слов от модальных частиц, о статусе модальных слов в системе частей речи. В.И.Рассадин в своей статье "Местоположения в монгольских языках" даёт свою классификацию слов и частей речи монгольских языков, согласно которой все слова группируются в пределах пяти классов (см.: Рассадин, 1991, с.96). Вслед за профессором В.И.Рассадным мы представляем модальные слова как отдельный класс слов, подразделяя их внутри на собственно модальные слова и модальные частицы. В пользу этого положения говорят тот факт, что модальные слова, во-первых, имеют своё специфическое обектаторнальное значение: они выражают отношение высказывания к действительности и субъективную квалификацию с объектом. Во-вторых, модальные слова имеют специфические синтаксические особенности: они не вступают в грамматическую связь с членами предложения, не участвуют в словосочетании. В-треть-

их, модальных слов достаточно много в языках самых разных систем. В-четвёртых, модальные слова — очень употребительная группа слов. По своей употребительности — во всяком случае в устной речи — они вряд ли уступают наречиям, которые являются самостоятельной частью речи.

В § 3 наблюдения за синтаксическими средствами выражения модальности в бурятском и русском языках позволяют сделать следующие обобщения:

На синтаксическом уровне модальность выражается через синтаксические наклонения. В русском языке их пять. Облием синтаксических наклонений русский язык обязан транспозиции наклонений: по существу долженствовательное и условное наклонения базируются на повелительном наклонении, даже полностью копируя его форму. Транспозицией наклонений русский язык обязан своему свойству расщеплять, отрывать предмет от его действия и признака. В бурятском же языке качество и действие не могут представляться абстрагированными от их носителей. Это отличие русского языка от бурятского является одним из самых важных и имеет далеко идущие последствия. Об этом говорят обилие номинативных предложений в русском языке, инфинитивных, неопределённо-личных, безличных предложений. А безличные глаголы иногда "умудряются" приобрести личные формы: такой высокой бывает степень оторванности действия от его источника. Например: Наше дело маленькое. Наше дело прокукарекать, а там хоть я не рассветаю.

В бурятском языке — spite на в силу того, что действие и качество обычно не отрываются от их носителя (см.: Саянов, 1941, с.144), — предложения отличаются "глагольность", причём количество форм глагола настолько разнообразно, что от изменения аффиксов глагола предложение может получать всевозможные смыслы, а значит, разные модальные характеристики. Ср.: Худэлээд ябанаб, худэлхээд ябанаб, худэлһэйб и т.д. Каждая форма выражает какую-то **новую грань** значения, новую модальность. В этой особенности — агглютинативном строе бурятского языка — заключается свойство языка быстро и лаконично передавать вслед за жизнью постоянно меняющуюся информацию. Стань "преуспел" в этой роли глагол гэхэ: из-за частоты употребления он "застыл" в фразеологических штампах типа буңдэб гэхэдэ, муң бэ гэхэдэ, хуулин ёһоор гэхэ, биб гэхэн, алимин гэхэ, ялаа гэхэ, нэгэл гэмэ и т.д.

В бурятском языке нет работ, посвящённых синтаксическим наклонениям. Но автоматически отрицать их наличие, конечно же, нельзя: модальность не должна базироваться только на морфологической категории наклонений. Она — прежде всего категория предложения, а не слова. На то, что исследования о синтаксических наклонениях должны появляться, указывает разрозненные факты аналитического образования наклонений, которые попутно упоминаются в отдельных работах. Так, указывая на наличие опасительного наклонения в бурятском языке, К.М.Черемисов пишет о том, что это наклонение выражается не только аффиксами, но и подкрепляется лексико-грамматическими средствами: Нохой-нохой тингэ хэлэйд. — "Ой, смотри, как бы ты так не сделал". В этом предложении наряду с "опасительным" суффиксом -дой поэт нохой-нохой выполняет функцию модального слова с значением усиленного опасения. К.М.Черемисов называет его "побочным лексико-грамматическим выразителем модальности усиленного опасения-предостережения" (см.: Черемисов, 1969, с.53). Здесь же К.М.Черемисов приводит примеры, которые наталкивают на мысли о синтаксическом условном наклонении: Би мунгэтэй байнууб., "А ну как я буду при деньгах, А если у меня будут деньги". Муншы болог даа — "А если что-нибудь случится". Бороо орог даа. — "А как дождь пойдёт". Приведённые примеры говорят о том, что в образовании наклонений участвуют не только морфологически но и лексико-синтаксические средства.

В русском языке есть фразеологические сочетания, которые выражают модальность самим фактом своего существования, которые вызваны к жизни потребостью говорящего высказать свою точку зрения, оценку: Дом как дом, Мушчок и мушчок — обыкновенный. Ох уж эти родственники! Эх, кабы сила. В подобных расхожих штампах связь и отношение компонентов бывают необъяснимыми с точки зрения грамматических правил и функционируют они как носители субъективной модальности.

Фразеологизмам бурятского языка свойственно передавать модальность разными путями:

1) Яркими образными средствами: эльгэ хайшахе (растрогаться), хоро шараа бусалха, ама шугеэ хабрха (гневаться), гэдэпсэ хэха баярлаха, сэлхэлдэ наран гараха (радоваться), гол шэрдэнь хураха (замучить, дословно: достать до аорты) и т.д.

2) Употребление в фразеологизме будущего времени придаёт значение неизбежности, предопределённости того, о чём сообщают

ется: Тургэдэиен горхон далайла хурехэгуй. "Речка слишком спешит — до моря не дойдёт". Хормойн ута худ орёохо, хушуунай ута толгой орёохо. — "Длинная юбка ноги опутает, длинный язык голову окружит".

3) Очень употребительна в фразеологизмах форма повелительного наклонения глагола, благодаря своему поучительному тону она выражает побудительную модальность: Модото газарта муу угэ бу хэлэ. — "Не говори в лесу скверных слов". Алдаан юмзээ алдааб гэмэ бу сүхэрэ, абаха шалахан, унахан газартаа унааб гэмэ бу хэбтэ, бодоно гатахан. — "Потерял — не горюй: найдёшь, упал — не лежи: встанешь".

Очень распространённым средством выражения модальности на синтаксическом уровне являются вводные элементы. В обоих языках они очень типологичны: выражают оценку степени достоверности, ссылку на источник сообщения, эмоционально-экспрессивную оценку сообщаемого и т.д.

Как в бурятском, так и в русском достаточно распространены лексико-грамматические средства, создающие модальность предиката, то есть речь идёт о модальных словах, модальных глаголах, которые вместе с причастием будущего времени в бурятском языке и с инфинитивом в русском в русском языке входят в состав предиката: олохо хэрэгтэй — "надо найти", хэлэхэ аргатай — "может сказать".

В § 4 последней главы рассматривается интонационная структура в сравниваемых языках, участие отдельных звуков в передаче субъективной модальности: Катя-Матя, Сэрэн-Мэрен, и др. приветия, прихватизация, а также и выражении объективной модальности для усиления осуждения реальности происходящего: "Шу-шу, — шути шууяна.

В § 5 материал посвящён комбинированным средствам выражения модальности, методом подстановки слов наблюдается изменение модальных средств по мере распространения предложения.

В заключение кратко подводятся итоги проделанной работы:

1. Для упорядочения модальных значений следует стремиться к представлению модальности как группировки функционально-семантических полей, состоящих из компонентов разных языковых уровней, к определению их общезначимых инвариантов.

2. Если содержательный план модальности для бурятского и русского языков представляется универсальным, то средства и способы выражения модальных значений имеют расхождения, объём

является принадлежностью бурятского и русского языков к разным полюсам типологической классификации языков, различными экстралингвистическими влияниями.

В бурятском языке многие элементы категории модальности — её объём, средства и способы выражения, статус и место в частеречном делении, соотношение с другими категориями — находятся на стадии развития, и то, что в русском языке является устоявшимся, традиционным (морфологические и синтаксические наклонения, подробный перечень субъективно-модальных значений, данный в грамматике — 60 и т.д.), в бурятском языке является предметом дискуссий. Эти факты бурятского языка последний раз говорят о том, что необходимо дальнейшее изучение бурятского языка именно в сопоставительном плане.

В обоих языках главную роль в выражении модальности играет категория наклонения. Наклонение русского глагола отличается большая гибкость в выражении модальных значений за счёт транспозиции наклонений: К нему теперь не подошли (здесь повелительное наклонение, традиционно выражающее волю говорящего, передаёт модальное значение невозможности действия). И пусть приходит старость (допущение). Пради я времья — ничего бы не случилось (условие). Боялся я тебя (отрицание). Ну, я пошёл (намерение). Поговори мне ещё (запрет). Если найдут радио — я погиб (уверенность).

В бурятском языке предметом спора является даже количество наклонений, что объясняется разными теоретическими подходами к критериям выделения наклонений, что в свою очередь объясняется неоднозначностью многих глагольных форм. Для упорядочения морфологической базы наклонений в бурятском языке необходимо детальное рассмотрение частных модальных значений для определения инвариантов, основываясь на их функционировании в языке.

Модальность как в русском, так и в бурятском языке выражается во взаимодействии с полем аспектуальности. Эта взаимосвязь модальности и аспектуальности объясняется общностью их природы: они понятийные категории, без субъекта, без его видения мира и его места в нём эти категории не существуют.

Лексически модальность в бурятском и русском языках выражается через семантику модальных слов, модальных глаголов, функционально-модальных слов, с помощью модальных частиц, междометий. В бурятском и русском языках соотносительны мода-

льные слова, модальные глаголы, модальные частицы. По сравнению лексических модальных средств бурятского и русского языков можно выявить следующие общие моменты: а) подавляющее большинство модальных слов выражает модальные значения предположения и подтверждения; б) по семантике модальные слова таковы, что они менее номинативны по сравнению с знаменательными классами и более "поливесны" по сравнению с служебными частями речи; в) модальные слова характеризуются морфологической неизменяемостью. Правда, модальные слова типа хэрэгтэй, аргатай входят в состав предиката и могут создавать иллюзию синтаксической контактичности, но вместе с формой глагола они составляют один член предложения и в словосочетаниях с другими членами предложения не вступают.

Синтаксическое выражение модальности имеет в обоих языках регулярные соответствия, несмотря на разные типологические показатели: в обоих языках модальность выражается (разнословными штампами, неполными и номинативными предложениями с интонацией экзистенциональности, лексико-грамматическими формантами, порядком слов в предложении).

Интонация бурятского и русского языков представляет, безусловно, разные звуковые контуры. Общность интонации в обоих языках проследивается на уровне функционирования: при разграничении модальных типов предложений (вопросительные, побудительные, повествовательные, восклицательные), при выражении модальных значений предположения, уверенности, согласия, отказа, запрета, утверждения, сомнения, желания и т.д. в бурятском и русском языках интонация выполняет роль дополнительного фактора, сопровождающего, усиливающего те модальные значения и оттенки, которые в предложении выделяются модальными модификаторами. При комбинировании различных средств интонация неизбежно присутствует, несмотря на обилие модальных средств: без интонационного оформления группы словосочетаний не представляют из себя предложение.

По теме диссертация опубликованы следующие работы:

1. Морфологические средства выражения модальности в бурятском языке // Базар Барадин: знание и деятельность, Улан-Удэ, 1993, с.76-81.

2. Лексическое выражение модальности в бурятском и русском языках // Сопоставительно-типологические исследования монгольских языков, Улан-Удэ, 1993, с.55-65.

3. В производстве.

Аку